

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО И МЕННОНИТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ

М.Э.Кавун

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА В ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА КОЛОНИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ НОВОРОССИИ В РАННЕМОДЕРНОВУЮ ЭПОХУ

В статті проаналізована проблема ролі іноземного елементу в структурі колонізаційно-урбанізаційного процесу в Новоросії на ранньомодерному етапі (XVIII – середина XIX ст.). Пропонується розглядати регіон Північного Причорномор'я як частину великого східноєвропейського фронтеру. Відповідно процес колонізації Російською імперією Північного Причорномор'я необхідно досліджувати під кутом зору культурних конфліктів і компромісів у процесі взаємодії різних культурно-ідентичнісних структур. Зроблено спробу окреслити роль іноземної колонізації в контексті протиріч урядової колонізації та культурної еволюції регіону в цілому.

История Новороссии пока еще не вписана адекватно ни в историю самой Российской империи, ни в мировой исторический процесс XVIII-XX вв., ни в историю украинского государства. В начале XX в. для понятия «Новороссия» было характерно довольно обширное трактование – зачастую так называли весь обширный южнорусский регион, вплоть до берегов Каспийского моря¹. Под Новороссией в данной статье понимается северная часть Причерноморского региона, вошедшая в состав Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX вв. и имевшая в XIX в. официальное название «Новороссийский край».

На сегодня можно констатировать наличие трех историографических пластов, репрезентующих историю Новороссии. Первый пласт, включающий в себя литературу имперского времени, является а) более информативным, чем аналитическим, и б) апологетическим в большей своей массе, поскольку речь шла о современных, или не столь отдаленных от времени написания авторами своих текстов, процессах; кроме этого тексты носят отчетливо «внутренний» характер, так как писались с точки зрения российского имперского дискурса². Исключение составляют тексты описательного характера, созданные иностранными авторами. Второй пласт текстов – тексты советской эпохи, сочетающие в себе ревизионируемый имперский дискурс с советским имперским дискурсом. Применительно к Новороссии сам регион изображается либо объективистски-географически как «Северное Причерноморье», либо уже как «Южная Украина», соответственно индекс проимперского пафоса существенно снижен, однако в целом фактологическая канва событий представлена традиционно. Отметим, что сам термин «колонизация» заменен сложносоставным термином «заселение и хозяйственное освоение». Следует выделить концептуальные комплексные работы Е.И.Дружининой³, В.М.Кабузана⁴, отдельно В.И.Тимофеенко⁵ (урбанистическая история). Третий пласт текстов, относящийся уже к постсоветской эпохе, демонстрирует: 1) полный отказ от построения синтетических картин региональной социокультурной истории, т.е. тексты фундаментального характера отсутствуют вообще; 2) стремление существенно снивелировать саму роль имперского фактора в колонизации и урбанизации Новороссии, термин Новороссия почти не употребляется. В целом современный этап отвечает процессу деконструкции имперской символической и мифологической систем применительно для данного региона. Однако, на наш взгляд, пока ни один альтернативный конкурентоспособный системный взгляд не предложен, интерпретации остаются преимущественно на локально-краеведческом уровне (история отдельных городов и т.п.), что, в свою очередь, не замедлило сказаться на новой востребованности классических работ Е.И.Дружининой, В.М.Кабузана и др.

Цель данной работы – продемонстрировать горизонты исследования колонизации и урбанизации Новороссии XVIII-XIX вв., в том числе проблемы роли иностранного элемента, на основе спектра современных методологий. Задача работы – способствовать адекватному вписыванию региональной истории Новороссии XVIII-XIX вв. в контекст истории Российской империи, при этом не исключая из поля

зрения круг национальных постимперских историй. В первую очередь необходимо выделить круг проблем, рассматриваемых в настоящей статье. 1. Суть самого процесса колонизации и урбанизации Новороссии в широком геокультурном контексте. 2. Специфика колониационного процесса в раннемодерновый период, и что считать раннемодерностью для Новороссии. 3. Что понимать под понятием «оптимизация колониационного процесса» применительно к новороссийской региональной реальности. 4. Роль иностранного элемента в оптимизации колонизации и урбанизации Новороссии в раннемодерновый период.

1. Колонизация Северного Причерноморья в контексте парадигмы фронта. Колонизация региона в российской историографии традиционно рассматривалась на фактологическом позитивистском уровне как одно из направлений российской колониационной экспансии XVIII-XIX вв. Целостная картина этого процесса до сих пор не создана. Последние по времени попытки создания системных работ относятся к 1950-1970-м годам, построены исключительно на позитивистской методологии, к тому же доминирует социально-экономическая направленность. Традиционно имел место также фактор идеализации и апологетизации имперского фактора. Работы западных авторов, посвященные комплексному анализу истории Новороссии, нам неизвестны. В то же время выделяются своим уровнем исследования отдельных аспектов колонизации, например, экономической и социокультурной истории Одессы⁶.

Основная историографическая проблема для данного региона – это то, что исторический регион Новороссии не стал полноценной, полноправной «историографической единицей» ни в историографии Российской империи, ни в кругу национальных постимперских историй. Регион Северного Причерноморья – Новороссии – Южной Украины плохо узнаваем и трудно идентифицируем в имеющихся на сегодня и вновь создающихся картинах глобального, российского, украинского исторического процесса. Работы отечественного происхождения выполняли внутренний социальный заказ, соответственно, в эпоху железного занавеса недостаточно коррелировались с мировыми императивами историописания. Поразительно, но в трудах западных авторов исторический (в первую очередь для XVIII-XIX вв.) регион «Новороссия» фигурирует чаще, чем в работах отечественных (российских и украинских) исследователей. Связано это с тем, что советская историография вместо адекватного постижения особенностей регионального исторического процесса стыдливо двигалась по

пути отказа от самого термина, а национальные современные истории и вовсе пытаются отказаться от понятия «Новороссия», едва ли не вычеркивая целый историко-культурный пласт.

Автор настоящей статьи считает, что имперскую колонизацию Новороссии (особенно это касается раннего периода до середины XIX в.) можно и необходимо рассматривать как просвещенческий культурно-географический проект на цивилизационной карте Восточной Европы⁷, в широком контексте геокультурного моделирования, сложения культурных векторов различных геокультурных систем, и в результате, территории конфликтов и компромиссов этнических и культурных идентичностей по линии «культурный синтез – синкрез». Новороссия в такой парадигме понимается, в первую очередь, не только как «географический регион» или «историко-административный регион» как географический сегмент Северо-Причерноморского региона, а как «культурный регион», охватывающий результат одного из восточноевропейских культурно-колонизационных проектов XVIII – начала XX вв., с доминирующим участием Российской империи.

Границы этого культурного региона неоднократно менялись в соответствии с трансформациями конфигураций имперского географического тела. К исследованию Новороссии подходит концепция ментальных карт или воображаемой географии⁸. Новороссия относится к типу «культурных реальностей», первично воображаемых регионов на ментальной карте, частично реализовавшихся в действительности, в соответствии с культурным напряжением того дискурса, который выступал фактором формирования такой реальности. Новороссия как органическая часть российского гео-культурного дискурса, возникшая на стыке просвещенческой имперской и российской колонизационной парадигм, длительный отрезок времени накладывалась параллельно на существовавшие уже здесь до этого культурные реальности, приходя с ними в противоречивое взаимодействие. В то же время Новороссия с самого начала формирования как культурная реальность являлась частью трех культурных ареалов – континентального русского – российского; циркумчерноморского, тяготеющего к восточно-средиземноморскому ареалу; и восточноевропейского (в широком смысле – европейского).

Еще один немаловажный аспект состоит в угле зрения на колонизационный процесс в Новороссии как «конфликт культурных реальностей» с учетом пограничного, фронтального положения этой зоны на мировой карте⁹. Процесс взаимодействия различных культурных (колонизационных и урбанизационных) парадигм приводил к

противоречивым результатам, а именно наложения и сосуществования различных культурных реальностей как в хрональном, так и в географическом измерениях. Необходимо также обязательно учитывать наличие европеизационного вектора в колонизации Новороссии.

2. Специфика раннемодерновости для Новороссии. Историю региона традиционно принято делить на два макропериода, границей между которыми является начало широкого промышленного освоения («индустриального бума») в 1880-х гг. Особенно отчетливо эта граница заметна в историческом развитии степной зоны (Екатеринославщина и сам Екатеринослав – ныне Днепропетровск). Следует отметить, что проблематика модернизации региона практически не разработана в историографии, особенно это касается XVIII-XIX вв. Сильно затрудняет рассмотрение проблемы необходимость коррелировать региональную специфику с общеимперскими процессами, а проблематика «российской имперской модернизации» с культурологической точки зрения разрабатывается также слабо. Однако можно выделить такие тенденции на материале Новороссии: 1) модернизация региона изначально являлась «догоняющей» и в плане культурного вектора была сопряжена с европеизацией; 2) имперская политика века Просвещения, с которой началась колонизация Новороссии, дала мощнейший культурный импульс, по сути дела задав модернизационный вектор, однако не сумев в первой половине XIX в. удержать «культурную планку», что привело в указанный период к кризисным тенденциям, характеризуемым нами как «колониационная инерция» или «колониационная стагнация».

Внутренний потенциал имперской колонизации и урбанизации все же ясно проявил себя, в частности, в формировании нескольких урбанистических центров метропольного и регионального типа, созданных по европейской градостроительной и культурной матрице нового времени (Екатеринослав, Одесса, Симферополь, Севастополь, Николаев, Херсон и др.). Во второй половине XIX в. именно они станут главными инкубаторами модернизации Новороссии, превращения ее в самый экономически развитый регион Российской империи.

Учитывая вышеизложенное, ранний период имперской колонизации Новороссии (до 1860-1880-х гг.) имеет все основания называться раннемодерновым. Основной проблемой для этого этапа является оптимизация колониационного процесса, в нескольких аспектах – административном, идеологическом, социально-демографическом, экономическом, культурном.

На наш взгляд, именно в сложный процесс преодоления «колониционной инерции» в Новороссии в первой половине XIX в., отчетливо проявились плюсы и минусы модели имперской колонизации региона, так же, как в это время стали все отчетливее проявляться сами результаты имперской колонизации – т.е. реальные черты новой геокультурной общности, сформированной под покровом имперских принципов, но со значительной «примесью» европейских идей, имевшей значительный модернизационный потенциал и перспективу участия как отдельного субъекта в европейских процессах. Главное противоречие истории Новороссии – империя, породившая это культурное тело, то стимулировала, то тормозила региональное развитие, прямо пропорционально степени участия в европейских и глобальных процессах.

3. Очень сложным является **вопрос о критериях «оптимизации» колониционного процесса** на восточноевропейском степном фронтире, одним из участков которого являлась Новороссия. В данном случае автор исповедует императив европеизации и модернизации, а также включения региона в максимальное широкое культурное и экономическое пространство. Т.е. для нас таким первичным критерием является европеизм и глобализм.

Оптимизация могла осуществляться тотальным порядком – т.е. через принципы организации колониционного процесса, через центральные имперские структуры. Однако она могла осуществляться и частным порядком – когда в роли агентов оптимизации и гармонизации выступали отдельные этно-культурные группы и отдельные личности.

Новороссия на полтора столетия стала «территорией возможностей» и грандиозных градостроительных, промышленных, культурных экспериментов, сравнимых разве что или с историей колонизацией американского Запада¹⁰, или с последующей советской реальностью.

С точки зрения постановки проблемы оптимизации колониционного процесса важно отметить, что в истории развития Новороссии проявились цивилизационные концепции «клубы» и «котла». На наш взгляд концепция «клубы» появилась именно в первый, раннемодерновый период, когда в пространстве интенсивного межкультурного взаимодействия (в условиях несколько ослабевшей силы имперского тотального культурно-колониционного дискурса применительно к региону и «колониционной стагнации») имели возможность вызревать различные культурные феномены, подчас

недостаточно еще оформившиеся, проявившие себя в более поздний период. Таким урбанистическим феноменом является, в частности, Екатеринбург. В период «индустриального бума» конца XIX – начала XX в., когда ритм регионального развития стал намного интенсивнее, заработал на полную мощность колонизационно-модернизационный котел, в котором переплавлялись различные культурные артефакты от предшествующих периодов. Забегая вперед, можно отметить, что парадигма «котла» работала и в период Революции и Гражданской войны, и в период советских экспериментов 1920-1930-х гг.

С точки зрения проблемы «оптимизации» для первого, ранне-модерного этапа колонизации Новороссии (этап «колонизационной клумбы»), критерием оптимизации выступают, на наш взгляд, действия, направленные на максимально органичное культуртрегерство в мультикультурном пространстве, т.е. появление и установление (фиксацию) максимального числа разнокультурных феноменов. Иными словами, агентами оптимизации выступают агенты оптимального культурного действия.

В этой концепции роль иностранного элемента выглядит особенно интересной и значительной. В таком случае агентами оптимизации выступают личности, в деятельности которых проявилась наиболее органичная корреляция между полученным от природы психогенотипом культурного действия и приложением этого действия в колонизируемой фронтальной реальности.

4. Роль иностранного элемента в новороссийской «колонизационной клумбе». Мощная колонизационная волна, исходившая со стороны Российской империи, начавшая набирать силу во второй половине XVIII в., кардинально изменила ход и темпы культурной эволюции региона. В процессе культурного строительства Новороссии граница между понятиями автохтонности и «иностранности» все более деформировалась. Поэтому, на наш взгляд, следует отказаться от термина «иностранная колонизация» применительно к Новороссии, называя конкретные этнокультурные общности. Такой объективистский подход дает возможность наиболее адекватно понять и прочувствовать сущность колонизационного процесса.

Категория «иностранность» употребительно к колонизации Новороссии конца XVIII – середины XIX вв. может иметь очень противоречивые толкования, так же, как и «автохтонность». Понятие «иностранность» и его производные могут употребляться и в этническом, и в культурно-идентификационном смысле, а в условиях фронтальной зоны (да еще и находящейся в процессе интенсив-

ной модернизации) эти понятия едва ли не противоположные. Традиционные интерпретации «иностранности» учитывают, прежде всего, территориально-географический фактор происхождения, однако игнорируют всю ментальную и культурную географию и ее диалектику в процессе колонизации, качественные изменения культурно-идентичностных структур в процессе культурных переходов, в частности, от домодерна к модерну.

Исследуя модернизацию новороссийского региона, его вхождение в модерную цивилизацию, необходимо учитывать «культурные пределы», процесс интенсивного культурного форматирования его под имперским покровом с конца XVIII в., когда формировались качественно новые, отличные от предыдущего исторического опыта, культурные структуры (в частности, территориально-экономическая структура, вся сеть населенных мест и особенно города). В таких условиях традиционные этнические характеристики и поведенческие стратегии часто утрачивали свой императив и действенность; напротив, заново заданные или принятые механизмы аккультурации наращивали свою энергетику. Данная тенденция особенно заметна в условиях формирования городской культуры и устойчивой городской традиции в Новороссии (ведь феномен современной городской традиции сформировался в регионе именно под имперским колонизационным покровом, т.е. в то время, когда Северно-Причерноморский регион, собственно, и был Новороссией).

Несколько провокационно, однако реалистично в культурном плане может прозвучать декларация «иностранцев» в Новороссии двух видов: «новые иностранцы» и «старые иностранцы». Такое деление отражает механизмы культурной колонизации Новороссии XVIII – первой половины XIX вв. и закладывавшиеся с их помощью культурно-идентичностные конфликты. Под первыми можно понимать этнические и культурные группы, не имевшие до этого опыта компактного проживания на данной территории (скажем, немцы, албанцы, сербы и др.). Под второй группой можно понимать этнокультурные общности, имевшие до российской имперской колонизации традицию расселения в Причерноморье (скажем, запорожские казаки, татары, ногайцы, греки, евреи и др.). Еще более провокационно, однако реалистично может прозвучать тезис о «внутренне-региональной» культурно-географической диалектике, о том, что на локальном и микрорегиональном уровнях в Новороссии существовали территории, где русские и украинцы также являлись и чувствовали себя скорее иностранцами, чем автохтонами, например, в Крыму.

Культурные конфликты в раннемодерной Новороссии можно рассматривать в двух плоскостях: 1) «макроконфликт» между новой культурной реальностью, которую формировала российская имперская колонизационно-урбанизационная политика, и культурными реалиями предыдущих эпох, т.е. конфликт между разными культурно-цивилизационными слоями; конфликты внутри нового культурного слоя, среди проводников и объектов новой культурно-цивилизационной политики.

Рассмотрим глубже второй тип конфликта и более конкретно, роль немца как субъекта колонизации Новороссии. Верховным проводником колонизационной политики выступало, естественно, российское имперское государство и его административные структуры. Парадигма колонизации Новороссии генетически восходила к просвещенческим культурным императивам, кроме этого здесь примешивался целый пласт греческо-средиземноморских аллюзий. Новороссии предназначено было стать связующим звеном между российской и средиземноморской цивилизациями.

Конструируя Новороссию, имперская Россия, возможно, недостаточно осознавая культурные риски, с самого начала взвалила на себя архисложную ношу культурного модулятора, взявшегося формировать культурную клумбу из массы различных культурных агентов. Причем, на смешанной культурной матрице (собственно российский колонизационный дискурс, опробованный до Новороссии, и европейская культурная стратегия века Просвещения, агентом которой выступила Екатерина II). Конечная результативность проекта «Новороссия» может быть поставлена под сомнение, учитывая прекращение его существования (но не его результатов) в начале XX в. Однако если судить по базовым культурным характеристикам (например, продвижение такого явления как урбанизация), а также последующую востребованность результатов «новороссийского проекта» в структуре колонизации и урбанизации Юго-Востока советской Украины, то «новороссийский проект» нельзя не признать эффективным.

Западноевропейскому сегменту и, особенно, немецкому населению, в культурных конфликтах и компромиссах на северо-причерноморском пространстве принадлежала изначально оригинальная роль. В процессе взаимодействия условно «автохтонного» и условно «иностранныго» элемента происходил конфликт понимания и внедрения имперских колонизационных принципов под идеологическим покровом просвещенческих идей. Европейцы как непосред-

венные носители культурного психогенотипа были лучше подготовлены для осознания и перенимания основных культурных идей политики Екатерины II и, соответственно, добивались большего успеха в проведении такой политики. Поскольку колонизация, и особенно урбанизация Новороссии с самого начала осуществлялась (по крайней мере, декларативно) согласно европейским просвещенческим стандартам, то зачастую проявлялась тенденция, когда «иностран- ный» элемент гораздо эффективнее подвергался и проводил такую колонизацию, нежели «автохтонный» элемент, который зачастую оказывал пассивное сопротивление общеимперской колонизацион- ной политике эпохи Екатерины.

Довольно часто именно «автохтоны», представители традици- онных культурных практик доколониационного и домодернового периодов, оказывались в процессе аккультурации менее успешными в принятии новых «правил культурно-колонизационной игры», чем их новоиностранные «коллеги» по процессу колонизации Новорос- сии, и таким образом, первые становились в своем же доме едва ли не чужими, или чувствовали очень осязаемый дискомфорт, становясь «старыми иностранцами», что довольно часто вело к маргинализа- ции. В то же время, когда представители европейских народов прие- ждали осваивать Новороссию по заданным идеологией имперского просвещения (которой руководствовалась Екатерина II) принципам, они сразу принимали «правила игры» на новом месте. А это, учитывая ментальный стереотип колониста в целом, вело к тому, что качест- венное значение участия «новых иностранцев» в процессе колониза- ции Новороссии явилось значительно шире их количественной доли в структуре населения региона.

Иностранцы, в первую очередь европейцы, сразу же оказались перед колонизационной дилеммой «аккультурация – ассимиляция», что явилось зачастую стимулятором культурной активности. Степ- ные плохо заселенные пространства Новороссии угрожали размыва- нием многих культурных признаков, что заставляло инокультурное население, скажем, немцев или меннонитов, изначально держаться обособленно, образуя если не обязательно географический, то практический всегда культурный анклав.

Интересно отметить, что в Новороссии могло иметь место и та- кое явление, как «русский иностранец». Приехавшие из внутренних губерний страны, «автохтонные» с точки зрения имперской идентич- ности, великороссы, а также малороссы с правобережных и левобе- режных губерний, не обязательно хорошо приживались в новых мес-

тах, сполна ощутив внутренние «правила игры» фронтальной зоны, особенно нахождение в перманентно конкурентной и очень динамичной социокультурной среде. Практически весь период российской колонизации Новороссии исторический ритм регионального развития был существенно интенсивнее, нежели во многих «внутренних губерниях» России; и это могло породить наличие проблем с аккультурацией у некоторых представителей, как принято говорить, титульной нации.

Пользуясь случаем, необходимо отметить, что для исследования колонизации Новороссии в целом, на наш взгляд, не эффективен подход экстраполяции современных этнических структур на исторический процесс XVIII-XIX вв., т.е. вписывание истории Новороссии в формирующиеся современные национальные исторические дискурсы русских и украинцев – путем вычленения из совместной «культурной корзины» опыта, понимаемого как национально русский или украинский, или же значительной редукции этого коллективного опыта.

Необходимо адекватное восприятие коллективного историко-культурного опыта регионального развития. Скажем, при анализе этнодемографической структуры населения и культурных практик, необходимо учитывать, что, с точки зрения господствовавшей идеологии в Российской империи, титульной нацией являлась «триединая нация» (великороссы, малороссы и белорусы), а становление собственно украинской идентичности (понимаемое современной украинской историографией как «национально-освободительное движение») пришлось уже на модерный период второй половины XIX – XX веков. Также субэтнические варианты идентичности (запорожские казаки, etc.), малороссийскую идентичность, с украинской идентичностью XX в. и т.д.

На раннемодерновом этапе в развитии культурных идентичностей в Новороссии можно выделить следующую тенденцию, своеобразный культурный синдром. В эпицентрах формирования новой культурной реальности, в первую очередь, в городах, разделение по этнонациональному признаку, видимо, получило меньшее значение, чем разделение по общекультурному вектору (модернизация) и социальной иерархии того времени. Изначально культивировавшаяся имперским правительством мультикультурность значительных городских центров (Екатеринослав, Одесса, etc.), проводила главные линии культурной дифференциации не по национальным, а по культурным признакам. Примечательно, что, например, в топографии

раннего Екатеринослава, вообще отсутствует четкое деление на этнонациональные анклавы.

На начальном этапе колонизации Новороссии культуртрегерская парадигма выразилась в наличии слоя «просвещенных» колонистов, которые адекватно восприняли просвещенческий культурный дискурс и стали его активными проводниками. Можно называть этих людей «имперскими культуртрегерами», хотя это было бы не совсем справедливо по отношению к представителям иных культур, скажем, оказавшихся в ареале интенсивной имперской колонизации.

Можно поставить вопрос: где находились «пределы возможного» для сохранения и развития собственной культурной идентичности для «нового иностранца» в Новороссии, в том числе европейца, принявшего императивы российской имперской колонизации? Поскольку Новороссийский регион изначально колонизовался на принципах мультикультурности, то ассимиляция могла происходить только на основе слияния в один имперский субстрат, чего в реальности не произошло из-за противоречий самой имперской политики. Зато что касается аккультурации, то новороссийская реальность демонстрирует нам целый спектр отдельных возможностей и моделей – от чисто формального перенимания норм другой культуры, до осознанного изменения культурных ролей.

Довольно ярко в Новороссии проявилась следующая аккультурационная модель – «просвещенный иностранец – колонизатор на службе империи». Иностранцы как непосредственные носители культурного психогенотипа колонизационных идей, близко понимавшие идеалы европейского просвещения, оказавшись в новороссийском степном фронтире перед угрозой сохранения своего культурного баланса вообще, часто поступали на государственную службу и становились очень активными и эффективными проводниками имперской политики – реализовывая сразу две идеи – колонизацию как таковую и европеизацию. Часто второй компонент проявлял себя даже тогда, когда сама имперская политика, оказавшись в условиях инерции, теряла адекватность.

Примером такой персоны предстает начальник канцелярии генерал-губернатора Новороссийского края князя М.С.Воронцова и затем екатеринославский губернатор А.Я.Фабр (1789-1863). Немец – чиновник на службе империи – уже на закате лет оказался в эпицентре полускрытого культурного конфликта, связанного с недостаточной завершенностью заложенного в конце XVIII в. урбанистического проекта регионального значения – Екатеринослава. Будучи «началь-

ником губернии» с 1847 по 1857 г., Фабр, восприняв генеральный план города, апеллировавший к классицистическому западноевропейскому и американскому опыту, сделал все возможное, дабы стимулировать реконструкцию города именно в этом направлении. «Екатеринославский Ришелье» выступил «двойным культуртрегером» – по российскому имперскому и европейскому современному культурным векторам – в данном конкретном случае эти два вектора совпали, и это совпадение породило окончательное становление, стабилизацию Екатеринослава как урбанистического феномена. На момент активности Фабра, его инициативы были восприняты большинством жителей не совсем адекватно, как «чуждачества» и прививались фактически силовыми методами. Лишь впоследствии, в конце XIX в., завершенная усилиями Фабра европейская конструкция планировки и вообще «урбанистический каркас» Екатеринослава стали восприниматься сами по себе уже как культурная данность и императив.

Фигура А.Я.Фабра, таким образом, являет пример деятельного «просвещенного немца – культуртрегера» – и в то же время пример первичной аккультурации для иностранца как агента российской имперской администрации на пространствах Новороссии.

В целом же западноевропейцы и немцы стали одними из главных промоуторов колонизации Новороссии, так как в данном случае были сразу подсознательно или осознанно вооружены европейским культурным дискурсом. Им не пришлось проходить, как большинству «автохтонов», через двойную культурную трансформацию – т.е. сначала усвоение базовых идеалов «просвещенной» личности в российской имперской рецепции, а затем уже становиться проводниками колонизационной политики. В случае с немцами здесь уже наличествовали первоначальные базовые культурные установки западноевропейского Просвещения. Даже больше – западноевропейцы и, в частности, немцы проявили себя как своеобразный демпфер – смягчающий противоречия имперской колонизации Новороссии в ранне-модерновую эпоху, в первую очередь, с учетом колонизационной инерции, с полной силой проявившейся в первой половине XIX в.

В ранне-модерновую эпоху множество усилий «новых иностранцев» в Новороссии было затрачено на преодоление скрытых и открытых культурных конфликтов, вызванных недостаточно органичной политикой совмещения европейских и российских рецепций просвещенческих культурных идеалов и совокупного проецирования их на северо-причерноморскую реальность. Главным таким конфликтом, как нам кажется, стало все более нарастающее противоречие мульти-

культурности Новороссии и российской имперской идентичности, вступившей в пору промышленной модернизации конца XIX – начала XX в. в полосу затяжного культурного кризиса.

В условиях роста панславистских настроений, во второй половине XIX в., понимание первоначальной культурной специфики региона и просвещенческой программы колонизации Новороссии в значительной мере было утрачено. Новороссия не превратилась в европейский мультикультурный регион, и в то же время не пришла к культурной однородности хотя бы за счет аккультурации на платформе общей имперской идентичности, по причине сильных внутренних противоречий и недостаточно высокой эффективности имперской культурной политики. Это стало главной причиной деформации культурного проекта «Новороссия» и прекращения его существования на идеологическом уровне с прекращением существования Российской империи в начале XX в.

Новороссийский имперский проект «догоняющей европеизации» и «догоняющей модернизации» сменился советскими культурно-колониационными практиками, где идеология «новороссийского проекта» подсознательно сохраняла свое значение. Результаты колонизации Новороссии довольно органично вписались в новое советское культурно-историческое пространство. Особенно это касается сети городских поселений – главного продукта имперской колонизации Новороссии – которая и в имперской, и в советской региональной структуре имела доминирующее значение. Тенденции советской колонизации Причерноморья в значительной мере сохранили матрицу предыдущего проекта – совокупное действие российского колониационного дискурса и модернизационный вектор. Таким образом, результаты колонизации Новороссии живы и поныне, и оказывают активное влияние на современный исторический процесс в Северном Причерноморье.

Примечания

¹ См.: *Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга* / под ред. П.П.Семенова-Тян-Шанского. – С.Пб., 1910. – Т. XIV. Новороссия и Крым.

² См., например: *Багалец, Д.И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Оттиск из «Киевской старины» / Д.И.Багалец. – К., 1889.

³ *Дружинина, Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года: Его подготовка и заключение / Е.И.Дружинина. – М., 1955; *Дружинина, Е.И.* Северное Причер-

номорье в 1775-1800 гг. / Е.И.Дружинина. – М., 1959; Дружинина, Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. / Е.И.Дружинина. – М., 1970; Дружинина, Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860 гг. / Е.И.Дружинина. – М., 1981.

⁴ Кабузан, В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719-1858 гг.) / В.М.Кабузан. – М., 1976.

⁵ Тимофеевко, В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века / В.И.Тимофеевко. – К., 1984.

⁶ Из относительно новых работ можно выделить книгу американской исследовательницы, опубликованную впервые в 1986 г.: Герлігі, П. Одеса. Історія міста, 1794-1914 / П.Герлігі; пер. з англ. Ю.Олійника. – К., 1999; а также статья: Сквирская, В. Одесса: «скользящий город» и ускользяющий космополитизм / В.Сквирская, К.Хэмфри. – Вестник Евразии. – 2007. – №1; также доступно из: <http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2007-1_skv.htm>.

⁷ Логика геокультурного конструирования в эпоху Просвещения на примере Восточной Европы фундаментально раскрыта в труде Ларри Вульфа. См.: Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л.Вульф; пер. с англ. И.Федюкина. – М., 2003.

⁸ Классически данная методология представлена в работе: Саид Эдвард, В. Ориентализм. Западные концепции Востока / В.Саид Эдвард; пер. с англ. А.В.Говорунова. – СПб., 2006.

⁹ Проблематика фронтальных или культур-контактных зон в контексте истории Российской империи постепенно занимает должное место в современной российской историографии. См., в частности, издания серии «Historia Rossica. Окраины Российской империи»: Западные окраины Российской империи. – М., 2006; Сибирь в составе Российской империи. – М., 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007; а также: Резун, Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я.Резун, М.В.Шиловский. – Новосибирск, 2005.

¹⁰ По этой проблеме см., в частности: Дружинина, Е.И. Возникновение городов на Юге Украины и в США: общее и особенное / Е.И.Дружинина // Новая и новейшая история. – 1976. – № 2. – С. 69-76.

Надійшла до редколегії 08.10.2007